

ИСТОРИЯ

(Рассказ)

Источник: А. О. Осипович-Новодворский. Эпизод из жизни ни павы, ни вороны, Санкт-Петербург, "Наука", 2005.

Оригинал здесь: Машинный фонд русского языка - <http://cfrl.ru/prose/osipovich/osipovich.shtm>.

-- Коснулось, милостивый государь!.. И над нашим углом пронесло!.. Как же! подите-ка походите между нашим простым народом: он вам прямо и в глаза не посмотрит, всё рыло норовит в сторону отворотить, потому что у него мысли против вас есть. А откуда всё это взялось, позвольте спросить? Вот то-то и есть! За ваше здоровье!..

Так резким баском начал свой рассказ г. Живучкин и налил из бутылки два стаканчика водки. Собеседники чокнулись, осушили залпом скверную зеленоватую влагу, крикнули и на минуту замолчали. В окно барабанил частый дождь; тусклый свет с трудом пробивался сквозь загрязненные стекла и скупо освещал неровные стены корчмы, темные, как мысли пьяницы, грязный земляной пол, кухонную печь в одном углу и деревянную решетку, за которою помещались бочки с водкою, -- в другом. Пространство у свободных стен было занято дубовым столом и врытыми в землю скамейками. Мокрая бурка висела на решетке стойки. На дворе стояли две подводы: почтовая тележка и обыкновенная бричка. Из другой горницы, поменьше, выглядывало несколько жиденят; шинкарь, седой еврей, юркий и тщедушный, стоял у двери.

-- Ведь экая слякоть-то! -- начал г. Живучкин после паузы, поворачивая к окну свое чрезвычайно худое загорелое и скуластое лицо, почти без растительности. -- Вы далеко изволите ехать? -- обратился он затем к товарищу по заключению. Но тот ответил что-то чрезвычайно невнятное и вообще довольно ясно показал, что не намерен принимать в данном рассказе никакого участия и желает остаться в тени, личностью "без речей".

Г-н Живучкин бросил на него беглый взгляд и, по-видимому, сразу примирился с своим, так сказать, односторонним положением; по крайней мере он расстегнул свою серую куртку с зелеными лацканами и обшлагами, широко расставил длинные и худые ноги в больших сапогах, уперся руками в колени и долго глядел в землю, очевидно обдумывая план изложения. Потом поднял голову и начал:

-- Да-с! Я перед вами не утаю... Нужно вам знать, что я человек откровенный, кого хотите спросите. Здесь всю нашу семью знают. Некоторые даже отца покойного помнят. Заслуженный капитан, был в венгерской кампании, имеет Анну, Станислава и Владимира с мечами. У меня два брата: один уже капитан, а другой скоро поручиком будет; в пятнадцатом Залихватском пехотном полку. Полк теперь в Херсонской губернии стоит, а семья с братьями живет: мать, сестры и еще брат поменьше. Ах, постойте, я вам расскажу! Петрушка -- это брат капитан -- стоял с ротой (потому что он ротный командир) в Израилевке, жидов защищал. Все пархатые, извините за выражение, чуть его в задние пуговицы не целовали, так боялись... Вина ему понатаскали, сахару, чаю -- ешь, пей и веселись! Овса для лошадей -- сколько угодно. А у него -- не то что, а прямо вам сказать, на вожжах, вот какие лошади! Тройка, в дугу. И кучер в армяке. Я тогда к нему и приезжал повидаться. Согласитесь -- приятно взглянуть, как там какой-нибудь Петрушка и вдруг таким князем! А! я ценю братское чувство, милостивый государь! Прекрасно. И уж угощал же он меня, скажу вам -- вот! -- г. Живучкин поцеловал кончики пальцев. -- Вы понимаете? всё! Он как-то в Петербург на полгода в отпуск уезжал -- так что вы думаете? Все фрейлины в него влюбляться стали... Хи-хи!.. Должен был потихоньку да полегоньку стрекача задать, потому, сами знаете, чем это пахнет. И таился, шельма, долго таился, отчего так скоро вернулся (он хотел в образцовый батальон поступить), наконец во всем признался... А? каков? Какая-нибудь там этакая барыня -- фу ты, унеси ты мое горе, подступиться, кажется, страшно -- и вдруг тово...

В эту минуту из сеней заглянула небольшая фигура еще молодого хохла в бараньей шапке, рыжей, намокшей до последней степени свите и с длинным кнутом в руках. То был кучер г. Живучкина.

-- А що, пане, долго ще мы тут мокнуть будем? -- Он стоял боком и глядел в сторону. Г-н Живучкин повернулся с такой живостью, словно у него в сиденье находилась стальная пружина, и уставил на вошедшего серые маленькие глазки, подавляя его грозным молчанием. Оно длилось очень долго; наконец кучеру стало неловко.

-- Бо и кони йсти хотять, -- заговорил он мягко, как бы оправдываясь. Г-н Живучкин словно ждал